

Г.В. Баранович

Около золота на Амуре
Очерки и рассказы. Выпуск 1

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.В. Баранович**
Около золота на Амуре: Очерки и рассказы. Выпуск 1 / Г.В. Баранович – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 212 с.

ISBN 978-5-518-02598-1

ISBN 978-5-518-02598-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.



Въ началѣ семидесятихъ годовъ на Амурѣ было гораздо проще, чѣмъ теперь. Культура съ трудомъ пробивала себѣ дорожку въ этотъ далекій край. Золото, давшее въ послѣдствіи такой сильный толчокъ экономическому развитію края, только еще раскапывалось. Первые пионеры, забравшіеся въ тайгу съ поисковыми партіями, вступая въ ея неизвѣданныя дебри, должны были нагружаться большими запасами и нерѣдко терпѣли нужду, рискуя погибнуть безслѣдно. Сейчасъ еще среди мѣстнаго инородческаго населенія можно услышать рассказы, полные ужаса, о томъ, какъ мучительно погибали неосторожные искатели золота отъ голода, или тонули весной въ горныхъ рѣчкахъ, при переправахъ, или во время плаванія на плотахъ. По широкому и привольному Амуру шныряло только нѣсколько пароходовъ. Первые пріиски, обратившіе на себя вниманіе капиталистовъ своимъ богатствомъ, были расположены по Джалиндѣ—притоку рѣки Уркана. Выходъ изъ этихъ пріисковъ на Амуръ былъ выше станицы Черняевой.

Мы не станемъ излагать исторію постепеннаго развитія края и золотопромышленности, а лишь коснемся этого вопроса на столько, чтобы дать возможность читателю уразумѣть истинный характеръ тѣхъ условій, среди которыхъ одинокій, положительно безграмотный человѣкъ, уроженецъ небольшой забайкальской деревушки Титъ Титычъ Сухожиловъ, не имѣя никакихъ пріисковъ, а единственно, только упорнымъ, непрерывнымъ трудомъ въ крайне узкомъ направленіи, безъ

сложныхъ коммерческихъ комбинацій, прибѣгая иногда къ мелкимъ и весьма простымъ манипуляціямъ на плутовской подкладкѣ, сумѣлъ составить многомилліонное состояніе.

Новый край—обыкновенно даетъ широкое поле для дѣятельности и предприимчивости энергичныхъ людей. Но дѣятельность эта не рѣдко, по существу своему, имѣетъ двоякій характеръ. Одна,—въ основѣ которой лежитъ широкое, правильное пониманіе промышленности и ея созидательнаго значенія, способствуетъ развитію края, толкая его на производительный путь; привлекаетъ новыя силы, новые капиталы,—словомъ культивируетъ дикій, сырой край. Эксплуатируя его природныя богатства, дѣятельность этого рода насаждаетъ мѣстную промышленность, проводитъ дороги и такимъ образомъ постепенно пробуждаетъ край отъ спячки, измѣняя его наружный обликъ. Такая дѣятельность—конечно—въ высшей степени желательна, она оставляетъ глубокій слѣдъ въ исторіи развитія края, открываетъ широкій путь для новыхъ предпринимателей,—и процессъ экономическаго прогресса постепенно вводитъ страну въ общеніе съ цивилизованнымъ міромъ, ставя ея на одинъ уровень съ нимъ.—Дѣятельность такого рода стремится пробить непролазныя мракъ, чтобы дать возможность пробиться лучу правды и науки и согрѣть, облегчить тяжелый трудъ человѣка среди стихійныхъ преградъ, которыя ставитъ ему негостепріимная природа.

Другая дѣятельность, направленная исключительно къ узко-личному обогащенію, боится свѣта и огласки. Она забирается въ дебри, гдѣ чуетъ для себя наживу и тамъ, запуская глубокіе корни въ богатую почву, высасываетъ изъ нея лучшіе соки.—Она боится внѣшняго міра, боится свѣта; ей нужна полная изолированность отъ міровой цивилизаціи, такъ какъ явившаяся цивилизація неминуемо должна парализовать хищническія наклонности этого узко-эгоистическаго труда.

Амуръ не можетъ похвастать дѣльцами пераго порядка. Число ихъ очень ограничено, дѣятельность ихъ въ высшей степени слаба по своей интенсивности,

оставила лишь легкій, поверхностный слѣдъ въ исторіи развитія экономической и общественной жизни края. И если усматриваются кое-гдѣ благія начинанія въ этомъ направленіи, то они съ первыхъ своихъ шаговъ полны ошибокъ, производятъ впечатлѣніе какого-то необдуманнаго шатанія изъ стороны въ сторону и неувѣренности въ своемъ дѣлѣ.

Въ дѣльцахъ второго порядка съ исключительно хищническими аппетитами и наклонностями недостатка на Амурѣ не было. Это наши добрые знакомые, мы ихъ встрѣчаемъ на каждомъ шагу. Въ сущности всѣ они добрые, милые люди и съ точки зрѣнія ходячей, дешевой морали упрекнуть ихъ рѣшительно не въ чѣмъ. Они считаютъ себя въ высшей степени честными, полезными для края людьми—и въ этомъ отношеніи они по своему правы. Если явится потребность въ ихъ участіи, чтобы двинуть впередъ какое нибудь благое общественное дѣло, они съ готовностью отзовутся; на собраніяхъ краснорѣчиво будутъ доказывать безусловную полезность предполагаемаго учрежденія, или мѣропріятія, приведутъ вамъ массу примѣровъ изъ исторіи и литературы относительно затронутого вопроса. Но если вашъ проектъ беспощадно застрянетъ въ фазисѣ разговоровъ и бойкаго краснорѣчія, неужели же винить этихъ господъ? Напрасно... вы только прослывете грубіяномъ и невѣждой. Во всякомъ случаѣ не они здѣсь виноваты, а вѣрнѣе всего виновата косность среды, въ которой имъ приходится работать.

Вѣдь свои дѣла, гдѣ имъ никто не мѣшаетъ, они прекрасно умѣютъ устраивать; у нихъ все ладится, все идетъ безъ запинки. Конечно, безучастная индифферентная среда виновата. Амуръ далъ міру золота на 150 милліоновъ, которое стоило жизни массѣ тружениковъ, но не смотря на это, какъ мало онъ подвинулся на своемъ культурномъ пути, какъ мало сдѣлано въ отношеніи его благоустройства!...

Золотой промыселъ былъ въ рукахъ небольшой группы капиталистовъ, чуждыхъ какимъ бы то ни было промышленнымъ предпріятіямъ, въ которыхъ край нуж-

дался и которые одновременно могли въ немъ развиваться. Обособленность края, вслѣдствіе отсутствія болѣе или менѣе удобныхъ путей сообщенія, способствовала тому, что объ немъ въ дѣловомъ мірѣ имѣли смутное понятіе. Естественно, что изъ промышленныхъ центровъ никто сюда не спѣшилъ, чтобы дать толчекъ разумному, плодотворному труду, и онъ былъ предоставленъ самому себѣ. По пустыннымъ берегамъ широкой рѣки, растянувшейся на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, кое-гдѣ ютились незначительныя казачьи станицы, населенныя людомъ, неспособнымъ пробудить экономическую дѣятельность въ новомъ краѣ. Нужно было золото, чтобы Амуръ проснулся и ожилъ. Наконецъ оно нашлось, и между прочимъ было сдѣлано открытіе богатыхъ росыпей по Джалиндѣ; для разработки джалиндинскихъ приисковъ рабочихъ нанимали въ Забайкальѣ: читинскій и верхнеудинскій округа поставляли нужное количество людей. Каждую осень возвращались обратно рабочіе съ большими заработками и слава про эти прииски въ упомянутыхъ округахъ шла большая.

Сухожиловъ росъ въ деревнѣ, наравнѣ съ другими деревенскими парнями, неся бремя крестьянскаго труда. Но кромѣ способности къ физическому труду, въ немъ была рѣдкая способность: беречь заработанную копейку — и при случаѣ умѣло пустить её въ оборотъ. Онъ много слышалъ про богатые прииски и въ немъ давно уже созрѣло желаніе поселиться поближе къ этому богатому золоту.

Наконецъ случай представился. Ему было восемнадцать лѣтъ, когда албазинскій купецъ Маіоровъ, поставляя мясо для приисковъ, закупилъ большую партію скота въ читинскомъ округѣ и нуждался въ людяхъ для пригона быковъ въ Албазинъ. Сухожиловъ попалъ въ число этихъ погонщиковъ. Явившись со скотомъ въ Албазинъ, благодаря своей расторопности и смышлености, обратилъ на себя вниманіе Маіорова, который оставилъ его при своей лавкѣ въ качествѣ приказчика и дворника въ одно и тоже время. Вскорѣ несовершеннолѣтній еще Титушка вошелъ въ особое довѣріе хозяина, бла-

годаря своей аккуратности и рѣдкому трудолюбію, и тотъ поручилъ ему небольшую торговлю на Аргуни, гдѣ въ первый годъ смысленный малый сумѣлъ „присмотрѣть“ нѣсколько сотенъ рублей—такъ сказать—первое зерно будущаго, огромнаго капитала. Несмотря на молодые годы, когда другіе не цѣнятъ копейку, а тратятъ ее безразсудно, поддаваясь всевозможнымъ соблазнамъ, Тить Титычъ крѣпко берегъ отложенныя деньги. Вернувшись обратно и сдавъ хозяину аккуратный, хотя несложный отчетъ въ произведенной имъ торговлѣ, онъ былъ назначенъ въ Черняево самостоятельно завѣдывать лавкой Маіорова въ этой станицѣ. На новомъ мѣстѣ будущій миллионеръ рѣшилъ засѣсть твердо, не тратить попусту дорогаго времени, а постепенно, исподволь увеличивать свои сбереженья новыми приращеніями. Для него было высшимъ наслажденіемъ, запереться вечеромъ послѣ прекращенія торговли и пересчитывать, безъ конца пересчитывать все, что было имъ накоплено, по немногу, но непрерывно прибавляя новыя суммы. Обстоятельства удивительно ему благоприятствовали.

Маіоровъ за старостью и нездоровьемъ передалъ веденіе торговаго дѣла своему сыну. Молодой, легкомысленный гуляка и притомъ неопытный коммерсантъ повелъ дѣло небрежно, negliжорски; отправляя товары въ черняевскую лавку, онъ рѣдко ихъ записывалъ, полагаясь на совѣсть довѣреннаго.

Сухожиловъ скоро смекнулъ, какую выгоду онъ можетъ извлечь изъ этого обстоятельства, и съ этого времени капиталъ его началъ быстро увеличиваться.

Ему минуло только двадцать лѣтъ. Непьющій, разсудительный, сдержанный онъ представлялъ виднаго жениха и черняевскія казачки нерѣдко на него заглядывались. Но Тить Титычъ былъ остороженъ и женился послѣ долгихъ и тщательныхъ размышлений, взявъ дѣвушку изъ зажиточной, хорошей и трудовой семьи.

Въ это время дѣло Маіорова сильно пошатнулось. Его сынъ, котораго онъ послалъ въ Москву за товарами, понавъ въ веселые уголки гостепріимной столицы,

окруженный компаніей теплыхъ ребятъ, не успѣлъ одуматься, какъ всѣ деньги, привезенныя имъ съ Амура на покупку товаровъ, разошлись по разнымъ веселымъ мѣстамъ и старикъ Маіоровъ остался безъ денегъ и безъ товаровъ. Пришлось ликвидировать дѣло.

Сухожилову эта ликвидація приходилась очень не по вкусу; она могла обнаружить такія обстоятельства, за которыя старикъ Маіоровъ—во всякомъ случаѣ не могъ погладить своего довѣреннаго по головкѣ,—и Титъ Титычъ не безъ основанія ждалъ для себя крупной неприятности. Но случай его выручилъ: въ одну тихую, лунную ночь, когда Сухожиловъ со своей супругой гостили у мѣстнаго священника, лавка Маіорова вспыхнула яркимъ пламенемъ. Отстоять товаръ было невозможно, тѣмъ болѣе, что растерявшійся довѣренный потерялъ ключи отъ лавки и открыть её, чтобы спасти товаръ, было невозможно. Маіоровъ окончательно упалъ духомъ и когда Сухожиловъ предложилъ ему купить мѣсто, гдѣ сгорѣла лавка, Маіоровъ охотно уступилъ его по крайне дешевой цѣнѣ.

Титъ Титовичъ на старомъ пепелищѣ скоро обстроился и завелъ свое личное торговое дѣло, пристегнувшись къ нему въ качествѣ компаніона виднаго и вѣскаго по своему положенію служащаго Энской золотопромышленной компаніи: нужный былъ человекъ.

На первыхъ порахъ повезло новому купцу, а въ довершеніе его полнаго благополучія, два водочные заводчика, Голдобинъ и Бутинъ, сдѣпились не на животь, а на смерть, желая погубить другъ друга, стали сбавлять цѣну спирта—и вино продавалось дешевле кваса. Покупая вино въ нерчинскомъ округѣ по дешевой цѣнѣ, Титъ Титычъ не находилъ нужнымъ продавать его дешево въ Черняевѣ; здѣсь конкуренція для него не была опасной—и кабакъ торговалъ на славу. Положимъ торговля была безпатентная, подпольная, но тѣмъ болѣе она давала барышей смѣлому торговцу.

Въ то время на Амурѣ ходило нѣсколько только парходовъ;—такой богатой флотилии, какая сейчасъ имѣется и въ поминѣ не было. Но парходы съ такимъ же

успѣхомъ сѣдѣли на мель, разбивались на камняхъ, какъ они это и сейчасъ продѣлываютъ. И въ одинъ прекрасный день на Черняевскомъ пережатѣ, на глазахъ Титъ Титыча разбился пароходъ съ полнымъ грузомъ. Подмоченные товары съ трудомъ были извлечены изъ воды и сложены въ Черняевой; часть ихъ вслѣдствіе порчи была тутъ же продана Титъ Титычу за безцѣнокъ. Между купленными товарами оказалось болѣе двухсотъ пудовъ перца. Казалось бы, на что можетъ пригодиться подмоченный перецъ въ такомъ большомъ количествѣ, но для смысленаго Титъ Титыча рѣшеніе такой задачи не представляло большого затрудненія. Онъ распорядился вмазать пятиведерный котелъ въ плиту и принялся изготовлять перцовый настой изъ подмоченнаго перца, который цѣлыми сутками кипятился въ котлѣ, затѣмъ охлаждался и разливался въ бутылки. Въ бутылку прибавлялась одна сотая спирта, закупоривалась тщательно печатью, на нее наклеивалась этикетка, изготовленная на этотъ случай въ рижской литографіи и, подъ видомъ ямайскаго рома, изготовленная Титъ Титычемъ перцовка продавалась по четыре рубля за бутылку. Таковы были времена и таковы были дѣятели, отъ которыхъ Амуръ долженъ былъ ожидать свѣта и прогресса.—Ямайскій ромъ продавался подъ большимъ секретомъ, какъ рѣдкій въ краѣ напитокъ по своей силѣ и цѣлебности; выпившій стаканчикъ этого удивительнаго напитка испытывалъ невообразимое щекотаніе въ горлѣ, лицо горѣло, въ головѣ стучало, а затѣмъ появлялась ничѣмъ неутолимая жажда. Пить, безъ конца пить хотѣлось, и несчастный въ продолженіе недѣли не могъ отдѣлаться отъ жажды, поглощая массу воды и квасу; большими охотниками до импровизированнаго рому были пріисковые разсчитанные рабочіе, выходившіе къ концу осени изъ тайги.

Въ собственной лавкѣ Титъ Титычъ обходился безъ приказчика, — не совсѣмъ было удобно имѣть свидѣтеля; ужъ много сомнительнаго характера художествъ было пущено въ оборотъ его изобрѣтательнымъ умомъ,

—и онъ до того боялся присутствія чужого человѣка около себя, что даже всѣ работы около дома были подѣлены между нимъ и женою—къ слову сказать, она была сильная и здоровая женщина. Далеко еще до восхода солнца Тить Титычъ запрягалъ лошадь и въ бочкѣ подвозилъ воду съ Амура, или ѣздилъ въ лѣсъ, срубалъ дерево и кололъ на дрова для дома и кухни. Торгуя мясомъ, самъ убивалъ быка или корову, обдиравалъ съ нея кожу. Съ восходомъ солнца начиналась торговля, которая продолжалась безъ перерыва до поздняго вечера. Вечеромъ лавка закрывалась, Тить Титычъ подсчитывалъ выручку, приводилъ въ лавочкѣ все въ порядокъ, жена въ это время заканчивала домашнія дѣла, и оба супруга принимались за урочную работу: Тить Титычъ выкраивалъ двѣ пары широкихъ, присковыхъ шароваръ изъ дешеваго бумажнаго трико или тикю, — а жена его должна была сшить двѣ рубашки или двѣ пары половинчатыхъ рукавицъ, смотря по сезону и спросу. При той дороговизнѣ, какая была въ то время, вечерняя работа солидарныхъ супруговъ приносила имъ отъ восьми до двѣнадцати рублей дохода ежедневно. Нужно отдать справедливость Тить Титычу, что онъ кроилъ и шилъ шаровары артистически, и какъ шароворы, такъ равно и рукавицы, сшитыя имъ и его супругой, предпочитались привознымъ, и хотя продавались дороже послѣднихъ, но разбирались охотно.

И такъ дни, недѣли, мѣсяцы тянулись въ этомъ непрерывномъ, упорномъ трудѣ, централизуя всѣ помыслы, весь запасъ душевной и умственной энергіи къ одной завѣтной мысли: собирать копейки, рубли и сотни рублей и захватить всѣ деньги, какія появлялись въ окружающей его средѣ. Для этой четы не было другой задачи, вся ихъ духовная жизнь наполнялась шароварами, рукавицами и всякой мелочью, отъ продажи которой получался рубль на рубль или того больше. Всякій случайный прохожій мимо его лавочки, интересовалъ Тигъ Титыча, какъ покупатель, какъ обладатель кармана, изъ котораго можно было

извлечь содержимое, всучивъ ему что нибудь изъ своего товара.

Удивительно, до чего можно извратить и опошлить свою жизнь, сдѣлавшись рабомъ страсти копленія денегъ. Вся жизнь, втиснутая въ жалкую яичную скорлупу, обращается въ простое животное прозябаніе, которое ничѣмъ не разнится отъ существованія клопа, выползающаго въ темнотѣ изъ своей щели, чтобы напиться человѣческой крови и опять скрыться въ нее.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, вслѣдствіе удачныхъ открытій въ зейскомъ районѣ богатыхъ розсыпей, центръ дѣловой тяжести началъ переходить на Зею. Титъ Титычъ скоро сообразилъ, что насиженное мѣсто ему придется бросить и перебраться на Зею, гдѣ дѣла должны разыграться, и для его наживы могутъ открыться новыя пути. N—ская золотопромышленная компанія обосновала складъ и резиденцію на Зеѣ для пріисковъ, расположенныхъ въ зейскомъ районѣ—и съ этого момента черныяевская торговля начала быстро падать и приняла очень скромные размѣры. Титъ Титычъ, отобравъ лучшіе товары, оставилъ кое-что въ своей лавочкѣ, положившей начало его благосостоянію, назначивъ скромнаго довѣреннаго,—а самъ двинулся на новое мѣсто, лелѣя въ душѣ радужныя надежды.

На берегу Амура его нерѣдко смущали и разстраивали случайные торгаши, появлявшіеся съ верховьевъ на сплавныхъ баржахъ, на которыхъ они торговали въ окрестныхъ станицахъ. Титъ Титычъ въ такихъ случаяхъ негодовалъ и удивлялся спячкѣ мѣстной администраціи, которая не принимала мѣръ противъ такого явнаго—по его мнѣнію, злоупотребленія торговыми правилами и нарушенія торговыхъ обычаевъ и чести.

На Зею никто уже носу не покажетъ, по крайней мѣрѣ на первое время; его добродушный компаніонъ, обманываемый на каждомъ шагу, переѣжалъ на Зею въ качествѣ руководителя зейскими пріисками. Это послѣднее обстоятельство было на руку Титъ Титычу. Онъ съ удовольствіемъ потиралъ руки и въ умѣ выраба-

тываль широкій планъ завоеванія и подчиненія себѣ новаго золотоноснаго раіона съ тѣмъ, чтобы со всѣхъ сторонъ невидимыми струями текло къ нему золото, которое сдѣлалось для него такъ же необходимо, какъ воздухъ, какъ пища, а можетъ быть еще больше.

II.

Прибывъ на Зею, Титъ Титычъ рѣшилъ основать свою торговлю на лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ уже до него пріютился разный темный людъ, не имѣющій определенной профессіи*). Какими соображеніями руководствовался въ данномъ случаѣ Титъ Титычъ, сказать трудно, но надо полагать, имъ руководило желаніе устроиться подальше отъ горной полиціи, которая, хотя и не могла представлять для него ничего страшнаго, но все же учрежденіе это—само по себѣ—нерѣдко бываетъ очень навязчивымъ; съ нимъ, конечно, нужно жить въ ладу, но не мѣшаетъ держаться отъ него подальше.

Въ то время—собственно говоря—не такъ отдаленное отъ настоящей минуты, Зейскій складъ вполне соотвѣтствовалъ своему специальному назначенію. На правомъ берегу Зеи, гдѣ скалистыя горы, схвативъ русло рѣки въ узкое и глубокое корыто, сразу распускаются и открываютъ широкую привольную долину, было одно или два жилыхъ помѣщенія и нѣсколько амбаровъ, построенные N—ской золотопромышленной компаніей для своихъ нуждъ. Выше по береговой линіи, за гранью компаніи, расположилась единственная въ то время усадьба Сѣногоева, перваго подрядчика по заготовкѣ сѣна для зейскихъ пріисковъ. Сейчасъ, конечно, все измѣнилось, скромный складъ разросся въ большое селеніе, растянувшееся на протяженіе нѣсколькихъ верстъ по берегу и мѣстами болѣе полуверсты уходя въ глубь долины, въ сторону отъ рѣки. На мѣстѣ топей и бо-

*) На правомъ помѣщалась резиденція компаніи и канцелярія Горнаго Исправника.